

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-25-38

EDN: XMXHIY

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Петров Р. С.* «Пожелания читателей во многом совпали с планами редакции»: роль журнала «Студенческий меридиан» в формировании советской студенческой идентичности // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 25–38. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-25-38. EDN: XMXHIY

«ПОЖЕЛАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ВО МНОГОМ СОВПАЛИ С ПЛАНАМИ РЕДАКЦИИ»: РОЛЬ ЖУРНАЛА «СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН» В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Р. С. Петров

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., 9;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), 190068, Россия, Санкт-Петербург, Союза Печатников, д. 16

rpetrov@hse.ru

SPIN-код: 7700-7496

Анализируется советский студенческий журнал «Студенческий меридиан» через призму концепции пастырской власти Мишеля Фуко. Основное внимание сосредоточено не на отдельных способах идеологического воздействия, а на институциональной логике работы редакции, где образовательные, воспитательные и идеологические задачи сочетались с поддержанием социальных норм и институциональной дистанции между редакцией и читателями. Журнал, формально подчиненный ЦК ВЛКСМ, выступал как инструмент формирования модели студенческой активности, ориентированной на самодисциплину, самообразование, коллективную ответственность, инициативу, критическое мышление, личное развитие и социальную адаптацию в рамках заданных общественных ориентиров, предлагая читателям разнообразные средства для осмысления собственного опыта, анализа социальных явлений, участия в конструировании социальных норм, обсуждения актуальных проблем, обмена мнениями и формирования новых практик. Анализ писем читателей, тематических рубрик и публикационной стратегии журнала выявляет границы участия аудитории, сохраняя при этом значительные различия между журналистами и студентами и демонстрируя сложность взаимодействия между властью «сверху» и студенческой инициативой «снизу». Журнал предстает как пространство, где сочетались воспитательные и политические функции журнала, где формировались поведение, привычки, ценности и идентичности студентов. Они могли одновременно навязываться, обсуждаться и частично переосмысляться, формируя таким образом «идеального студента». Статья показывает, как деятельность журналистов выполняла функцию связующего звена между директивами ЦК ВЛКСМ и повседневной жизнью учащейся молодежи, раскрывая более широкие механизмы управления, социальной нормы и контроля в СССР 1970–1980-х гг., подчеркивая важную роль журнала в системе позднесоветской молодежной прессы.

Ключевые слова: пастырская власть, журналистика СССР, студенчество, журналы СССР, формовка, дискурс-анализ.

Введение

Журнал «Студенческий меридиан», издаваемый ЦК ВЛКСМ, был не просто хроникой студенческой жизни, но и инструментом продвижения комсомольских ценностей: коллективизма, ответственности и приверженности социализму. Это издание играло важную роль в формировании студенческой идентичности. Так, например, в письме студентов Майкопского педагогического института за 1979 г. выражалось недовольство по поводу ограниченного до-

ступа к подписке: «Пишут Вам студенты 3 курса факультета естествознания Майкопского пединститута. Два года регулярно подписывались... считаем журнал своим – студенческим. В его номерах рассказывается не только о жизни студентов... но и появляются материалы о новых, более эффективных методах обучения, самовоспитания. <...> Когда начался семестр, оказалось, что НАШ журнал залимитировали. На несколько экземпляров подписались наши преподаватели, а мы, студенты, не имеем возможности подписаться на НАШ журнал» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. Д. 52. Л. 5–6).

В этой цитате прослеживается то, как студенты воспринимали журнал в качестве значимой части своей учебной и культурной среды. Называя его «нашим», они выражали коллективную идентификацию читателей с журналом, видя в нем отражение своей общности и принадлежности. В этом контексте «Студенческий меридиан» выполнял функцию не простого журнала об университетской жизни, но площадки для формирования студенчества как сообщества, объединенного общими ценностями.

Особенно важным в этом отношении представляется фрагмент письма: «...но и появляются материалы о новых, более эффективных методах обучения, самовоспитания...». Постановка в один ряд обучения и самовоспитания показывает, что читатели воспринимали журнал не только как источник новостей или рассказов о жизни своих сверстников, но и как инструмент для собственного развития. Такой акцент можно описать как готовность видеть в издании средство для внутренней работы над собой.

С точки зрения концепции порядка дискурса этот момент можно рассматривать как отражение структурирования дискурсивного пространства вокруг идеологической нормативности: дискурс не только производит знания, но и регулируется через процедуры, контролирующие, что именно и как может быть сказано [Фэрклоу, 2015, с. 507–526]. В данном случае журнал выступает посредником, направляющим внимание студентов на темы, которые должны формировать их как дисциплинированных и ответственных членов социалистического общества. Можно сказать, что «Студенческий меридиан» вписывается в порядок дискурса, где пересекаются комсомольско-педагогический и научный дискурсы, интегрированные в жанр студенческого журнала. Это издание предлагало не только образовательные модели, но и более глубокую модель социализации, где самовоспитание играло ключевую роль. Оно выступало механизмом воспроизводства идеологического порядка, формируя образ студента не просто как пассивного потребителя знаний, но как активного субъекта, работающего над собой в соответствии с идеалами времени. Журнал задавал параметры того, что считалось правильным и возможным в рамках студенческой жизни, и, таким образом, структурировал восприятие студентами собственной субъективности.

В данной статье исследуется журнал «Студенческий меридиан» как источник для понимания того, как советское государство использовало медиа для управления учащейся молодежью. Исследование опирается на опубликованные номера журнала, документы из фонда редакции (нижняя граница фонда – 1946 г., верхняя – 1983 г.) и данные, полученные в ходе интервью.

Наше стремление – показать, как выстраивалась и реализовывалась деятельность по взаимодействию и конструированию студенческой аудитории на страницах «Студенческого меридиана». Какими характеристиками она наделялась? Какой набор риторических инструментов в него вкладывался? Как происходило функционирование редакции в качестве института и какие средства были необходимы для достижения этих целей? Подобная постановка проблемы, на наш взгляд, помогла бы приблизиться к пониманию отдельных нюансов социально-группового устройства (в данном случае – студенческого) позднесоветского общества в разных его сегментах, пусть даже и в «идеальном» преломлении.

Мы также делаем попытку отразить гетерогенный процесс «формовки» студенчества на страницах этого издания, используя данный термин вслед за Е. Добренко, который определяет этот процесс как культурно санкционированную практику, в рамках которой значения о субъекте формируются через акты чтения. Это не просто воспитание, а целенаправленное формирование мышления и ценностей в соответствии с идеологическими установками власти [Добренко, 1997, 1999]. С этой перспективы журнал дважды оказывается «формовочным

местом» – как студенчества, рассматривающего свою группу «в зеркале» этого журнала, так и членов редколлегии, это «зеркало» создававших. В статье также уделяется внимание процессу, с помощью которого редакция проводила различие между «настоящими» и «ненастоящими» студентами, используя для этого письма читателей.

В ходе исследования выяснилось, что читательские письма чаще всего выражали жалобную риторику: в них обращались за помощью, просили совета и требовали ответа на несправедливые жизненные ситуации. В 1977 г. письма открывали каждый номер журнала в специальной рубрике «Письма заинтересованных людей», помещенной на передовицу. Сохраняя контроль над письмами (далеко не каждое попадало на страницы журнала), редакция зондировала круг доступных для обсуждения тем, которые могли быть актуальными для советского студенчества. Архивные материалы не содержат точной информации о количестве присланных откликов, однако на основе фрагментарных данных можно отследить тенденцию роста. Например, в 1974 г. редакция получила 10 114 экземпляров (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 14. Л. 1), а в 1980 г., согласно социологическому исследованию, только за 5 месяцев было получено 8000 писем (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 50. Л. 1). Хотя точно установить, какие из них были опубликованы в журнале, невозможно, но, по крайней мере, с их помощью можно отследить, как члены редколлегии отбирали наиболее достойные отклики для публикации.

Высокое число откликов также использовалось как «свидетельство авторитета и популярности молодого издания... значительный рост читательской почты, которая, начиная с 1978 г., ежегодно удваивается» (Там же). В переговорах с ВЛКСМ, «Союзпечатью», Минвузом СССР и издательством «Молодая гвардия» («МГ») члены редколлегии часто использовали эту риторику для обоснования требований дополнительного материально-технического обеспечения, открытия новых ставок, распределения премий и других экономических аспектов редакционной деятельности.

Пастыри и/или журналисты

Задаваясь вопросами о власти и управлении, М. Фуко в своих лекциях в Коллеж де Франс в конце 1970-х гг. вводит понятие пастырской власти, под которой он понимает конфигурацию отношений и институтов, ориентированных на управление людьми через заботу и наставничество, а не через прямой контроль и репрессии. По Фуко, с наступлением модерна пастырская власть трансформировалась в более сложные формы управления, которые стремятся не к подавлению инакомыслия, а к заботе и наставлению [Foucault, 1982, p. 208–226].

В данной работе мы стремимся показать, что в журнале «Студенческий меридиан» проявляются несколько ветвей пастырской власти: редакция и ЦК ВЛКСМ выступали не только как передатчики идеологических установок, но и как активные участники процесса формирования учащейся молодежи, они стремились создать из каждого отдельного читателя пастыря, предоставляя читателям инструменты и практики для самовоспитания. Обращаясь в редакцию журнала, читатели получили возможность участия в выработке социальных норм и защите формируемых ценностей.

Пути исследования советской журналистики

Советская пресса середины XX в. представляла собой сложную иерархическую систему, в которой центральные издания, такие как «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др., играли ключевую роль в процессе перевода языка идеологии в продуктивную для восприятия форму, реализации партийных директив и формирования общественного мнения.

Эти издания не только транслировали определенный набор смыслов, но и использовались как экспериментальные площадки для внедрения новых методов управления: социологических исследований, психологии и политической экономии [Huxtable, 2013, 2022]. В то же время в рамках концепта «правительственности» советская пресса рассматривалась как централизованная сеть, где журналисты проектировали образы «идеального» социализма, формируя у читателей представление о нормативном мышлении и поведении [Wolfe, 2005, p. 4–20].

Эти процессы профессионализации, а также постепенного ослабления цензуры, обозначенные в работах С. Хакстейбла и Г. Ципурского, позволили изданиям активнее взаимодей-

ствовать с аудиторией, особенно после XX съезда КПСС [Huxtable, 2020; Tsipursky, 2013]. «Студенческий меридиан», запущенный в 1967 г., стал примером адаптации этих тенденций в студенческой прессе. Однако его динамика взаимодействия с читателями, в частности через использование опросов и писем, развивалась неравномерно.

До 1980-х гг., когда тираж издания достиг 500 тысяч экземпляров, редакция ограничивалась анализом писем читателей. Постепенно они начали фиксироваться и анализироваться в качестве термина «обратная связь», предоставляя редакции информацию для варьирования редакционной политики. Этот подход был схож с процессами, описанными Д. Козловым, который выделяет рост значимости отделов писем в редакциях 1960-х гг. и их роль как механизмов неформальной коммуникации с властью [Kozlov, 2013].

Анализируя дискурсивные стратегии студенческих изданий, можно отметить схожесть «Студенческого меридиана» с журналом «Юность», который в 1960-е гг. формировал образ поколения «шестидесятников». Как отмечает И. Каспэ, этот журнал вдохновлял молодежь на активное участие в общественной жизни и саморазвитие, но его аудитория и содержание отличались от студенческих изданий [Каспэ, 2016]. Параллельно Ю. А. Носова подчеркивает специфику студенческой периодики, включая «Студенческий меридиан», которая отличалась от молодежной прессы акцентом на потребности студенчества и менее жесткой идеологической направленностью, но ее исследования не всегда затрагивают глубинные аспекты редакционной политики [Носова, 2007].

«Студенческий меридиан» представлял собой уникальное явление, отражающее переход от идеалистических подходов журналистики 1960-х гг. к более прагматичному и адаптивному стилю 1970-х. Издание балансировало между выполнением идеологических задач, образовательной функцией и стремлением сохранить интерес читателей через освещение актуальных и развлекательных тем, а также через подачу разножанровой литературы. Это соответствовало более широким изменениям в системе советской прессы позднесоветского периода, где роль обратной связи как инструмента социологического изучения аудитории стала более заметной. Примером является инициирование социологических исследований в журнале только к началу 1980-х гг., что позволяет говорить о медленной институционализации методов изучения читательских предпочтений.

Перед анализом дискурсивных стратегий редакции важно выделить основные этапы развития «Студенческого меридиана» и проследить его роль в более широком контексте трансформации советской журналистики в эпоху позднего социализма.

Краткая история и характеристика фонда

Архивные материалы раннего периода истории журнала ограничены; 1920–1940 гг. охвачены лишь описью и двумя делами. Журнал начал выходить в 1924 г., меняя институциональное прикреплённое и название². В 1924 г. его открыл И. В. Сталин, назначив В. Молотова главным редактором, а в 1925 г. Молотова сменила Н. Крупская. Присутствие высшего политического истеблишмента указывало на высокий статус издания (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5).

В 1936 г. журнал перешел к «Молодой гвардии», Н. Крупскую заменил Е. Лещинер, позже его сменил А. И. Антипов. К лету 1941 г. вышло шесть номеров, и выпуск был приостановлен из-за войны. В 1946 г. под редакторством Б. Четверикова журнал был возобновлен, но попал под репрессии, в 1947 г. был окончательно закрыт под руководством А. Липатова.

В 1967 г. издание было перезапущено как альманах на базе издательства «Молодая гвардия» при поддержке ЦК ВЛКСМ (главные редакторы: В. Евсеев, 1967–1971 гг.; С. Самсонов, 1971–1973 гг.). Альманах выходил раз в год, и в редакции работало всего шесть человек. Архив за 1969–1971 гг. в основном содержит рецензии на литературные тексты, выполненные внешними специалистами, работающими в Союзе писателей, на филологических и философских факультетах вузов СССР (Там же).

Интересующие нас годы существования «Студенческого меридиана» как ежемесячного издания (с 1973 г.) подробнее представлены в архиве редакции, особенно что касается более ранних периодов.

Как уже указывалось, изменение формата стало возможным благодаря поддержке ВЛКСМ, «Молодой гвардии» и Минвуза СССР. Это привело к формированию специфической модели руководства, сочетавшей в себе ориентацию на идеологические и партийные установки и профессиональные стандарты журналистики, а также существенно увеличило финансовые возможности редакции.

Между 1976 и 1980 гг. особое внимание привлекли документы следующего содержания: в 1976 г. ВЛКСМ провел инспекции, где, помимо выявленных недостатков в содержании, были сделаны замечания по организации работы редколлегии. Это привело к увеличению документального объема – с 66 до 83 листов в 1973–1978 гг. Такое обстоятельство позволило лучше проследить условия существования журнала, включая изменения в комплектовании отделов, отношения с ВЛКСМ и материальную сторону редакционной работы.

Переход на новый формат

В начале лета 1973 г. в издательстве «Молодая гвардия» было принято решение приостановить выпуск альманаха. Этот опыт был сочтен неудачным. Стало ясно, что для немалой аудитории учащейся молодежи необходим свой журнал, который будет выходить чаще и будет площадкой для формовки студенчества. Тогда же новому изданию выделили отремонтированное помещение по адресу ул. Сущевская, д. 21, закупив всю необходимую мебель и технику (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 14. Л. 17).

В августе 1973 г. директор издательства В. Н. Ганичев запросил изготовление рекламной листовки для нового журнала, направив письма в «Союзпечать» и Информационный центр высшей школы. Он отметил, что журнал должен «всесторонне освещать жизнь студенческой молодежи, повышать ее активность и воспитывать в духе светского патриотизма и пролетарского интернационализма» (Там же. Л. 47–48), и запросил 300 тыс. листовок. Постнов ответил положительно, сославшись на «указания директивных органов», подразумевая ЦК ВЛКСМ (Там же). Рекламная кампания нового журнала стала важной для его позиционирования и стратегическим инструментом, обеспечивая широкое распространение и интеграцию читателей.

В сентябре 1973 г. в журнале начала работу редколлегия. В ее состав вошли: В. И. Токмань – главный редактор, выпускник истфака Харьковского университета, бывший работник Харьковского обкома по пропаганде, публицист; генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ В. А. Житенев; заведующий сектором вузов Отдела науки, заместитель министра высшего образования и доктор биологических наук Н. С. Егоров; герой СССР и летчик-космонавт А. С. Елисеев; начальник отдела преподавания общественных наук Министерства высшего образования А. П. Шептулин; кандидат экономических наук Ф. М. Волков; доктор философских наук, профессор кафедры научного коммунизма АОН при ЦК КПСС Г. Н. Волков; доктор философских наук, ответственный за «студенческую проблематику» в секции публицистики Союза журналистов Ю. В. Воронцов; два члена Союза писателей СССР Г. А. Исаев и А. В. Афанасьев; выпускник журфака МГУ, корреспондент А. Д. Краминов. Позиционируя себя как студенческий журнал, на самом деле издание исключало прямое участие студентов в редколлегии, даже «идеологически выдержанных», например, вожатых студенческих строительных отрядов или студентов-депутатов (Там же. Л. 41–42).

После утверждения редколлегии и изготовления «Союзпечатью» рекламных буклетов руководство запустило их в Информационный центр: «...ты учишься в институте или университете, техникуме или училище. Ты молод. Ты пытаешься осмыслить окружающий мир и свое место в нем. В этом тебе поможет Студенческий Меридиан. <...> В журнале найдет отражение жизнь 9 млн отряда советского студенчества и учащих техникумов... и разговор этот мы поведем вместе с тобой, читатель... мы надеемся, что ты станешь страстным пропагандистом своего нового молодежного издания...» (Там же. Л. 50).

Похожая риторика сохранится и в № 1 за 1974 г. (первый тираж – 200 тыс. экз.), где редакция определяла круг своих читателей: «...студенты вузов, учащиеся техникумов, молодые преподаватели и аспиранты, курсанты военных училищ, учащиеся старшей школы». Редколлегия продолжала акцентировать внимание на «поддержке» журнала и всячески призывала создавать его

«совместно»: присылать критические замечания, просьбы, пожелания, очерки, фельетоны, стихи, прозу, рисунки (Дорогой друг!, 1974, с. 49). «Рекламная стратегия» журнала высвечивает высокую степень агентности читателя: обращение на «ты» и акцент на активное участие студенческой аудитории отражают ориентацию на тесную связь с читателями. Это способствовало интеграции журнала в студенческую жизнь, вовлекая аудиторию в его создание и распространение.

«Паства» студенчества в эпоху позднего СССР действительно являлась «многомиллионной», поэтому для эффективной работы журналу требовались большие ресурсы, благожелательность высоких партийных чиновников, бумага (тираж) и качественная техника. Так, главред В. Токмань жаловался на низкий лимит тиража в «Союзпечать», искал поддержки у министра высшего образования В. П. Елютина, обращался в библиотечную инспекцию Министерства культуры и директору издательства «Молодая гвардия». Главные его тезисы можно разделить на четыре пункта.

Во-первых, Токмань профилировал журнал как важное средство молодежной политики и формирования студенческой идентичности. Он подчеркивал внушительный размер аудитории, на это особо указывалось в обращении к Елютину: «Лимит 200 тысяч экземпляров на журнал, а в стране 9 миллионов студентов, и не только хотят читать журнал. Редакция получает сотни писем с просьбой пересмотреть установленные лимиты» (Там же). Упомянув большое количество писем, Токмань пытался показать, что журнал является не просто «сборником текстов», но и важным местом для обсуждения «откровенных разговоров»: «“Студенческий меридиан – твой журнал”... кому, как не тебе, быть автором журнала... мы начинаем откровенный разговор об одной из проблем... ты получишь ответы на сложные вопросы» (Там же).

Во-вторых, требовалось подчеркнуть характер наполнения журнала, на что указывалось и в обращении к Серову: «...много внимания журнал уделяет эстетическому воспитанию молодежи, вопросам литературы и искусства. В шести номерах за 1974 г. появились новые произведения М. А. и С. Шипачевых, А. Вознесенского, П. Неруды, М. Пьюзо и др...» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.). Важно отметить, что публикация произведений П. Неруды, автора, чье творчество в советской критике последовательно интерпретировалось как идейно созвучное социалистическому опыту и тем самым естественным образом включалось в канон международной литературной «солидарности» [Кофман, 2022], демонстрирует важный принцип работы редакции. Включение детективной прозы в публикационный «портфель» служило для журналистов способом сочетать идеологически приемлемую повестку с привлечением читателя за счет более динамичных жанров. Механизм этого сочетания просматривается и в оценках членов редколлегии: так, Г. Волков подчеркивал, что «...нужна остросюжетная литература. Детектив необходим» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 22. Л. 13–14). Подобные решения не только могли повышать тираж, но и формировали образ журнала как разножанрового издания, одновременно отвечающего нормативным ожиданиям и стремящегося удерживать интерес молодежной аудитории.

В-третьих, выстраивая коммуникацию с «Союзпечатью», В. Токмань использовал «протекцию» ЦК ВЛКСМ и «Молодой гвардии», а также в качестве аргумента приводил письменные просьбы: «В связи с многочисленными просьбами комитетов ВЛКСМ, вузов и техникумов Москвы убедительно просим Вас дополнительно выделить 3000 экз.» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 14). «Молодость» недавно собранной редколлегии и апелляция к «снисхождению» были важными аргументами в арсенале Токманя. Они позволяли рассчитывать на благосклонность и возможность экспериментировать с материалами: «...мы тоже вправе рассчитывать на снисхождение, на право хотя бы иногда на первых порах не быть приравненными к изданиям, которым 25, 50, 100 лет...» (Там же. Л. 16).

В-четвертых, в конце лета 1974 г. В. И. Токмань направил два письма в «Молодую гвардию» – директору В. Н. Ганичеву и директору младогвардейской типографии П. А. Осетрову: «...машина “Планета” и газетно-ротационная “Манн”, на которых делается журнал, являются техникой устаревшего образца, которой основная масса наших журналов пользовалась 10 и более лет назад (Сел. Молодежь, Юный натуралист, Вокруг света и др.). Эти издания давно перешли на другие, более современные машины» (Там же. Л. 6–7). В сентябре главред снова обратился в типографию, сетуя на долгое время изготовления тиража: «Сигнал мы получаем 12 и

более дней позже. После получения сигнала проходит длительное время на изготовление тиража, подписчики получают номер к середине следующего месяца» (Там же. Л. 7).

Главред указывал, что задержки понижали авторитет издания и нарушали режимы работы, а также ограничивали пастырскую функцию – поддержание диалога и приглашение читателей к высказыванию: «Журнал не успевает выходить после сигнального номера и получает негативные отклики по этому поводу. Это все не дает выполнять в должном виде поставленные перед изданием задачи...» (Там же. Л. 7). В «МГ» пообещали заменить машины «Планета» и «Манн» на более современные модели *Marinoni* (Там же. Л. 10–11).

Можно сказать, что В. И. Токмань профилировал журнал как важное средство молодежной политики, стремясь утвердить его значимость в глазах контролирующих органов. Примеры коммуникации с высокопоставленными лицами, акцент на наполнении журнала, использование протекций и просьб, а также борьба с техническими проблемами демонстрировали институциональное отвоение прав на существование. Журнал боролся за свою нишу среди многочисленных молодежных изданий, и в этом важную роль играл главный редактор, осуществляя управление редакцией в качестве «главного пастыря» – добываясь дополнительных ресурсов и снисхождения руководителя.

Формовка

Для того чтобы лучше понять, как журнал формировал студенческую идентичность, следует рассмотреть, каким образом он способствовал созданию и поддержанию образа идеального советского студента. Важнейшими чертами являлись организованность, расторопность и способность к самодисциплине (Студенты 70-х..., 1978, с. 4–6). Публикации в журнале не просто подчеркивали эти качества, но и активно обучали читателей, как их развивать и применять в жизни.

Так, в № 3 журнала за 1974 г. читатель мог найти материал Е. Жарикова, посвященный тренировке памяти. В статье студенту рекомендовалось серьезно относиться к «внешней памяти» и трепетно организовывать себя: «...сделать свои записные книжки, блокноты и календари активными – регулярно заглядывать в них... хорошо разделить записи по важности... привыкнуть регулярно перебирать карточки, например перед сном... строгий, постоянный порядок должен сопутствовать вашим занятиям... надо привыкнуть к системе настолько, чтобы пользоваться ей автоматически. И не бойтесь ярлыка “педант”».

Рекомендации Жарикова отсылают к понятию «всесторонне развитая личность», анализ которого провел А. Бикбов. Для ее развития требовалось гармоничное сочетание способностей: острого интеллекта, ясного сознания, воли и самоорганизации [Бикбов, 2014, с. 220–227]. По сути, журнал выполнял функцию формирования студента, предлагая строго организовать свою жизнь и доводить ее до автоматизма, прививая норму: лучше быть педантичным и организованным, чем «расхлябанным и непостоянным» (Жариков, 1974, с. 27).

Другой текст С. Соловейчика, опубликованный в № 2 за 1975 г., поднимал вопросы эффективности воспитания: «Мы воспитываем везде и всюду, даже когда от нас этого совсем не ждут. <...> Всем нравится, когда их учат чему-нибудь, и всем отнюдь не нравится, когда их учат жить. <...> Эффективное воспитание всегда как-то незаметно, всегда скрывает свою цель. Воспитание – это всегда вторжение в личное. <...> Управляя людьми, мы изменяем, направляем их деятельность. Приказывая, командуя, наказывая, поощряя, мы руководим поведением человека, и это во многих случаях необходимо. Если управление ведется умело, то это делает его лучшим работником» (Соловейчик, 1975, с. 38–39).

Пастырь всегда стремится знать все о своей пастве, и Соловейчик в своем тексте подчеркивает, что воспитание является формой управления и вторжения в личное пространство, но при этом оно должно создавать иллюзию автономии у воспитываемого. Здесь высвечивается различие представлений, предложенных Е. Добренко, с аналитической рамкой М. Фуко.

В тексте подчеркивается «распыленная власть», где функция пастыря может быть выполнена любым членом общества, и это имеет функциональный, стратегический и многослойный характер. В противоположность этому Добренко акцентирует внимание на институциональной и практической стороне формовки субъекта через чтение и восприятие культурных текстов. Роль

чтения заключалась не в банальном упрощении контроля над читателем, а в том, чтобы служить средством его «возвышения»: способствовать культурному росту, укреплять самооценку и, в контексте взглядов Соловейчика, повышать эффективность его действий и организованность поведения. Заметна некоторая переключка с тезисами Жарикова, согласно которым лучше привить себе контроль и «руководить» поведением человека, чем пускать все на самотек.

«Студенческий меридиан», как и многие другие позднесоветские издания (например, «Юность» [Каспэ, 2016]), использовал формат дискуссий вокруг читательских писем для определения и закрепления границ «студенческого» – набора тем и вопросов, которые считались легитимными для обсуждения. Например, рубрика «Дискуссионный клуб» предлагала читателям рассматривать определенные проблемы с различных позиций, тем самым формируя дискурс о том, что входит в сферу интересов и ответственности советского студента. Так, в № 12 за 1978 г. редакция инициировала обсуждение вопроса о дополнительном заработке студентов во время учебы. В начале материала было опубликовано коллективное письмо студентов Ленинградского политехнического института: «По совместительству мы после занятий в институте работаем в музыкальной школе... работа не мешает учебе (некоторые из нас отличники, успеваемость хорошая). В начале этого учебного года заведующая отделом культуры запретила нам работать... имеем ли мы право работать? У нас на этот вопрос есть несколько ответов из газет и журналов, но заведующая говорит, что это еще не закон. Что нам делать?» (Работа ищет студента, 1978, с. 14–15).

После письма была опубликована статья Л. Лукиной «Работа ищет студента», в которой рассматривалась проблема трудоустройства студентов. Автор отмечала, что многие отделы кадров не принимают студентов из-за их непостоянства, что создает текучку. В статье приводилось социологическое исследование, согласно которому каждый пятый студент трудится 100 дней в год, а 70 % студентов хотят работать. Лукина предлагала решить проблему через организацию специальных отделов в студенческих отрядах, подчеркнув важность воспитательной работы на предприятиях. В завершающей реплике начальник управления трудоустройства Госкомитета РСФСР по труду Е. А. Парфенов поддерживал идеи Лукиной и рекомендовал вовлекать комсомольские комитеты в решение этой проблемы (Там же, с. 15).

Интересно, что сама проблема трудоустройства и работы во время учебы кажется не совсем привычной для советского общества, где подобные практики могли послужить обвинением в конъюмеризме. Но все же в позднесоветский период, для которого характерно расширение индивидуальной мобильности [Шаттенберг, 2018, с. 430–432], этот вопрос обсуждался интенсивнее и явно нуждался в реакции. Редакция предлагала ответ на этот «вызов», снова используя воспитательную риторику: можно давать студентам работать, но это должно быть организовано через официальные структуры, чтобы не «потерять студента» и продолжать его идейное воспитание.

В журнале встречались материалы, вызывавшие неоднозначные реакции и даже проверки со стороны высших инстанций. Один из таких случаев произошел с публикацией в № 6 за 1976 г. статьи В. Оганова «Ее зовут На-та-ли», посвященной «взлету и падению» советской гимнастки Натальи Кучинской, многократной чемпионки, выступавшей как в СССР, так и за рубежом (Олимпиада в Мехико и Первенство мира в ФРГ). Кучинская была кумиром молодежи и олицетворением успеха советского спорта, однако в статье она описывается, как ее стремительная спортивная карьера закончилась разочарованием, духовным кризисом и «идейной потерей» молодежи: «...все пошло и поехало. Особенно после того, как в Дортмунде выступила... меня там качали. Носили на руках. Но это очень плохо, правда-правда. Взрослому человеку можно голову вскружить, а я ведь совсем девчонка была. Чего только не писали обо мне в газетах! И все дергали в разные стороны! Фотокамеры! Кино! Телевидение! <...> Потом вдруг набросилась на меня слава, разные люди, страны и города, восторги, титулы, медали, говорили много слов, лгисто шептали...» (Оганов, 1976, с. 30–32).

Как подготовить человека к жизни после ухода из профессиональной деятельности, будь то спорт или учеба? В журнале отражено, что Кучинская не была готова к «взрослой» жизни, и ее путь от звезды спорта до внутренне опустошенного человека показывает, что акцент на достижениях и карьере, без учета развития жизненных навыков, может привести к личной ката-

строфе: «...вдруг начало во мне что-то уставать. Нет-нет, внешне все было по-прежнему прекрасно. Журналисты интересовались, почему я так неожиданно ушла из гимнастики. Зазналась? И разбирали мое поведение, коллективно или в одиночку, считали сумасбродкой... и сама в этом виновата. И не сама. И тренер, и не тренер... И ранняя специализация для здоровья и психики – действительно опасная вещь? <...> Как навязчивый бред, когда вернулась из Мексики, поняла, что ненавижу спорт, а мне все объясняли кругом: “ТЫ ЖЕ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ УМЕЕШЬ! БЕЗ СПОРТА ТЫ НУЛЬ! ТЫ ДОЛЖНА ТРЕНИРОВАТЬСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ”. А я хотела просто жить. Мне бы просто счастья» (Там же, с. 32).

Публикация этой статьи привела к серьезным последствиям для редакции. Она не только привлекла внимание ЦК ВЛКСМ, но и вызвала обсуждение редколлегии, где обнаружилось, что такие материалы идут вразрез с комсомольскими предписаниями, направленными на формирование читателя. Важно отметить, что статья вышла в период Олимпийских игр 1976 г. в Монреале, когда тема спорта и успехов советских спортсменов была особенно чувствительна:

«Ф. Волков: наша пресса писала о здоровом духе нашего спорта и противопоставляла ему спорт в буржуазном обществе, писала о крахе спортсмена на западе. И в этом хоре статья о Кучинской оказалась диссонансом. Она показала духовный крах Н. Кучинской, наставников... всех, кто окружал ее... чувствуется обобщение, что этот случай типичен, что люди нашего спорта думают только о сиюминутных успехах “звезд”.

Г. Волков: в статье разоблачается грязь нашего спорта, духовная несостоятельность “звезд”. На примере духовного состояния живого человека – это бестактно.

Ф. Волков: хорошо бы, если бы она сама написала ответ, возразив автору. Но ведь что правда, то правда, она не хочет работать, а требует “пенсию”.

А. Афанасьев: вся ошибка в том, что не вовремя дали публикацию и без редакционного комментария.

В. Шин: самой Наталье материал понравился.

С. Самсонов: материал выполнен на недостаточно высоком уровне. Шин, как руководитель этого отдела несет за него полную ответственность. Публикации на острые темы должны делаться на высоком профессиональном уровне. В. Шину необходимо подумать над тем, какую форму для продолжения разговора о духовном мире спортсмена мы изберем в дальнейшем» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 22. Л. 20–21).

В сентябре 1977 г. глава отдела спорта В. Шин был уволен с должности. Публикация этого материала словно показывала, что редколлегия допустила ключевые промахи: материал не воспитывал, не давал знаний, которые могли бы не допустить «краха». Ситуация не прошла мимо ЦК ВЛКСМ, публикация стала причиной проверки журнала. Это событие стало важным в истории издания, так как через него можно выявить различие в подходах к формированию студенчества между комсомолом и редколлекцией.

Конфликт пастырей

В апреле 1976 г. комсомол при проверке уделил особое внимание тому, что редакция не участвовала в ключевых мероприятиях Минвуза и недостаточно погружалась в студенческую жизнь. Это замечание не столько касалось реальной включенности в студенческие будни, сколько отражало критику за отсутствие участия в официальных мероприятиях высшей школы. Подвергался сомнению и вопрос «всесоюзности» издания, поскольку большинство авторов представляли Москву и Ленинград, что не соответствовало задаче отражения студенческой жизни в ее полном многообразии (Там же. Л. 24). В результате проверки отмечалось: «...основным недостатком является то, что редакция в целом не определила основной линии в работе. Было отмечено, что есть отделы, которые не нашли своего лица... печатались ошибочные материалы (“Ее зовут На-та-ли”). Также отмечено, что журнал слабо связан с читателями, с вузами. Были нарушения трудовой дисциплины и нарушения в гонорарах» (Там же. Л. 6–7).

В целом выводы отражали несоответствие содержания журнала и организации работы редколлегии требованиям ЦК ВЛКСМ, что ставило под угрозу его основную воспитательную функцию. Проблема заключалась не только в географической ограниченности авторов, но и в том, что

публикации журнала часто не отражали «реальную жизнь» студентов и не способствовали их идеологическому воспитанию, что особенно подчеркивалось через «нарушение пропорций» между текстами штатных сотрудников и молодых авторов (Там же. Л. 24). Идея о том, что журнал должен воспитывать, формировать мировоззрение и ценности читателя, была центральной для комсомольской критики. Как показывают замечания, редакция совмещала развлекательное содержание и легкие жанры с серьезными и воспитательными материалами. Члены редколлегии восприняли критику всерьез. Г. Волков отметил, что, несмотря на множество негативных замечаний, ситуация не так плачевна, как кажется, и редакция уже предпринимает шаги по улучшению, а заместитель главреда С. Самсонов требовал сосредоточиться на устранении выявленных недостатков и восстановлении регулярной работы редакции, включая создание четкой системы обязанностей каждого сотрудника и усиления активного взаимодействия с вузами и студентами (Там же. Л. 25–26). Проверка возымела успеха, после нее редколлегия стала регулярнее собираться на заседания и вести документацию подробнее. Публикаций по типу «Ее зовут На-та-ли» больше не появлялось, тем не менее ВЛКСМ провел еще одну инспекцию журнала.

В декабре 1980 г. в ходе проверки была подчеркнута необходимость более строгого подхода к формированию номеров и уменьшения количества объемных материалов, что указывало на стремление контролировать содержание и стиль публикаций, направляя их в русло идеологически корректного и воспитательного медиа. В то же время комсомол выражал желание улучшить условия работы редакции, предлагая увеличить гонорарный фонд и материальное стимулирование, что свидетельствовало о попытке сбалансировать идеологические требования и мотивацию сотрудников. Особое внимание было уделено содержанию публикаций, которые часто производили впечатление «случайных и не имевших отношения к студенческой жизни».

В частности, рубрика «Дисотека» (первая среди других комсомольских изданий) подверглась критике за то, что она удовлетворяла «невзыскательные вкусы» читателей, игнорируя потребность в пропаганде классического культурного наследия. Замечания также показывают, что между редакцией и комсомольскими органами существовали значительные расхождения в понимании функций студенческой прессы: для комсомола ключевой задачей было политико-идеологическое воспитание, в то время как редакция стремилась к более широкому спектру тем, включая развлекательные и популярные, довольно близкие студенту-читателю: «...не всегда добротные материалы публикуются в журнале под рубрикой “Студенты 80-х: штрихи к портрету”. Характерный образец “штрихов”: “я смотрел на ее красивое, смуглое лицо, по-детски радостное и наивно освещенной яркой белизной улыбки, распущенные по плечам черные, как ночь, волосы и тоже радовался наступающей, уже близкой весне”. Цитата из зарисовки о студентке юрфака МГУ, опубликованной в 3 номере журнала за 1980 г. Описание “наивно освещенных улыбок” не дает представления о духовном мире современных студентов, их делах и помыслах» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–5).

Реплика, сказанная комсомольским критиком, раскрывает ключевую проблему – недостаточность содержания, сосредоточенного на внешних аспектах и поверхностных эмоциях, при отсутствии глубокого анализа духовного мира студента. В «улыбках, волосах, весне» критик усматривал своего рода фетишизацию внешнего облика, который, с его точки зрения, не способен передать подлинные черты характера советского студента.

Конфликт между этими двумя представлениями о студенчестве – комсомольским и журнальным – выявил не только различия в понимании роли и задач студенческой прессы, но и продемонстрировал иерархическую структуру внутри пастырской власти. Работники журнала, выполняя роль наставников студентов, сами находились под постоянным надзором со стороны ВЛКСМ, требовавшим соблюдения идеологических установок.

Пастыри на номенклатурной должности

Различие между тем, кто мог считаться «настоящим» советским студентом, и тем, кто им не являлся, выявлялось через архивные материалы и публикации журнала, однако наиболее полно оно проявилось в интервью с Ю. А. Ростовцевым, последним главным редактором журнала. Интервью было проведено в 2023 г. и предоставило важные сведения о редакционной работе.

В нашей беседе проявилась сложная и многоуровневая система пастырской власти, существовавшая в журнале, в рамках которой пастырствовать следовало не только членам редколлегии и комсомола, но и самим студентам, воспроизводя предложенные модели поведения и взаимодействия. Это создавало иллюзию коллективного наставничества, где каждый студент должен стать пастырем для других. Рассказывая о взаимоотношениях редакции с читателями, Юрий Алексеевич говорил открыто и напрямую:

И.: Читательские отклики, которые приходили в журнал...

Ю. А.: Это было никому не нужно. Это никак нельзя было использовать... большинство это редактировалось уже и что-то подгоняли под какую-то тему нужную. У нас возник спор, какие бывают письма? Но ясно, что все хотели содержательные письма... говорят: "Нет, важны просто письма. Нужен вал!"; и мы объявили конкурс на любовь к журналу – "пришлите ваш поцелуй", мы получили почти 100 000 писем. Но это же бессмыслица. Они даже не приятны, они физиологические какие-то.

И.: А письменно, не поцелуй?

Ю. А.: Ну письма обязательно! Так я тебе говорю, вот письма настоящие – жалобы студентов».

Эти жалобы играли ключевую роль в поддержании системы пастырской власти, где редакция не только стремилась контролировать образ советского студента, но и стимулировала студентов к самоконтролю и самооценке. Публикации и тематика журнала создавали идеализированный пастырский образ, который студенты должны были использовать для самовоспитания и коллективного наставничества друг друга. Это проявлялось в письмах студентов, которые сигнализировали о проблемах и несправедливостях: «Целый ряд писем, в которых содержатся жалобы на неудовлетворительные условия в общежитиях... справедливая тревога студентов, сигнализирующих о фактах грубого нарушения правил распределения. "В 1979-м окончила Казанский фин-эк институт. Распределилась на Чебоксарский завод им. Чапаева инженером-конструктором. Какой из меня конструктор? Ольга Никина, Чебоксары. <...> Много писем и жалоб, в которых студенты сообщают о нарушении инструкции о выплате стипендии (студентов лишают стипендии на семестр за малейшее опоздание на лекции, профсоюзные собрания и т.д.). <...> Открытыми остаются проблемы загруженности студентов и дефицита свободного времени. "В 9-м номере журнала за 1979 г. писалось о том, что предельная нагрузка студентов 1–4 курсов в неделю 36–30 часов. У нас эти цифры соответственно – 44–40 часов. Почему так? Группа студентов биофака Харьковского госуниверситета» (РГАСПИ. Ф. М74. Оп. 1. Д. 52. Л. 2–4).

Нечто подобное публиковалось в журнале, в рубрике «Письма заинтересованных людей»: «...заострите внимание на проблеме улучшения качества читаемых в институте лекций... посвятите, пожалуйста, свою последнюю страницу моде. В свободное время студентки этим могут заняться, сэкономяв деньги... больше внимания уделяйте проблемам любви, морали, нравственности...» (Письма заинтересованных людей, 1980, с. 2–3).

Подобные жалобы не только укрепляли вертикальные отношения власти, но и стимулировали горизонтальные связи, в которых пастырями становились сами студенты.

Журнал таким образом создавал пространство, где каждый студент мог воспитывать и наставлять других, внося вклад в коллективное формирование идеалов. Эти две стратегии пастырской власти – сверху и снизу – были связаны через журнал, который служил инструментом для поддержания этой структуры и передачи власти. Однако, несмотря на попытки создания горизонтальных связей и коллективного наставничества, сохранялась значительная дистанция между редакцией и студентами, что подчеркивается Ю. А. Ростовцевым в его интервью:

Ю. А.: ...три концепции нам дало начальство. Первая концепция она изложена в полном собрании сочинений Сталина. <...> Вот он же там говорит, что главная задача ваша – быть ближе к студенчеству. Быть со студентом – это невозможно. Это такая трудная задача, она нерешаемая, но звучит красиво.

И.: Звучит красиво! А почему не решается, по вашему мнению?

Ю. А.: Ну а как быть с ним? Если он хочет хулиганить, пить, к девчонкам приставать и вести себя плохо в этом самом общежитии? Ведь мы же понимаем, что я вообще сейчас за свои годы всю жизнь воспитатель...».

Выводы

Пастырская власть в журнале представляла собой сложную, многослойную систему, где роли наставников распределялись между разными уровнями редакции. Тем не менее ее границы оставались строго очерченными партийными директивами. Даже «пастыри снизу» неизбежно действовали в рамках, заданных сверху. Это было особенно заметно в 1980-е гг., когда усилилось обращение к наследию «правильного ленинизма», что сделало содержание журнала более абстрактным и оторванным от реальных проблем студенческой жизни. Журнал выполнял двойственную функцию: с одной стороны, он оставался инструментом идеологического контроля, а с другой – стремился формировать коллективное самонаставничество среди студентов.

Формовка как концепт занимает центральное место в работе журнала. Издание стремилось формировать студенчество как идеологически сознательное, но контролируемое сообщество. В нашем интервью И. А. Ростовцев говорил об этом так: «...ты это называешь там антропологией, а у меня свой метод! Он у меня назывался – монографический! Надо мной смеются, что это как бы неуклюже, я это студентам своим всегда рассказываю, ребята, надо подходить к проблеме монографически! Ну что это значит?! А я говорю, смотри, вот если я чем-то увлечен, например, рыбалкой – у меня есть вся литература, я знаю все! Даже то, что мне не надо!».

Особенно ярко в разговоре наш собеседник отмечал фигуру А. Ф. Лосева – как стало понятно, неслучайно. Лосев, один из самых значительных платонистов XX в., чьи идеи о сильном государстве неожиданно перекликались с позднесоветской идеологией, нашел в «Студенческом меридиане» платформу для публикаций (Лосев, 1982, с. 28–32; Лосев, 1984, с. 35–37). Через взаимодействие с философом Лосевым информант не только поддерживал идеологические рамки, но и занимался формовкой – как аудитории, так и собственной профессиональной идентичности.

Фигура редактора формировалась в динамике, отражая особенности политэкономии советской прессы. После отмены лимита на подписку в 1964 г. редакции начали функционировать как своего рода «расширенные» институты, замещающие недостающие структуры позднесоветского общества. В этом контексте архив редакции – включая дискуссии в редколлегии, письма студентов, жалобы, просьба и коммуникация с ЦК ВЛКСМ – становился пространством борьбы за ресурсы и инструментом легитимации власти. Жалобы студентов, представлявших собой «потерянных овец» в глазах редакции, превращались в основу для укрепления пастырской позиции редакторов. Здесь формовка проявлялась в своей двойной роли: с одной стороны, студенты воспринимались как слабые и зависимые, с другой – их голоса позволяли редакции существовать и выполнять свою наставническую функцию.

Журнал выполнял роль наставника, схожего с западными христианскими молодежными изданиями [Орехова, 2008, с. 11–25], которые также занимались воспитанием через идеи и дискуссии. Однако в советском контексте это наставничество было вписано в строго вертикальную структуру партийного контроля, где свобода мысли и критика существовали все же номинально, хотя и были заданы сверху [Wolfe, 2005, р. 165–175]. Гласность 1980-х гг. лишь усилила это противоречие: журналисты, включая редакторов «Студенческого меридиана», пытались воспитывать критически мыслящую аудиторию, но сталкивались с ограничениями, которые диктовали сами пастыри.

Примечания

¹ «Красная молодежь» (1924–1925 гг. ЦК и МБ Пролетстуда); «Красное студенчество» (1925–1936 гг. с 1929 г. ЦБ Пролетстуда ВЦСПС и МБ; с 1934 г. ВЦСПС); «Советское студенчество» (1936–1947 гг. издательство «Молодая гвардия», в 1947 г. ЦК ВЛКСМ); «Студенческий меридиан» (1967–2013 гг. – ЦК ВЛКСМ, на базе «Молодой гвардии»).

Список источников

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М74. Оп. 1. Д. 1–2, 5–74.

Дорогой друг! // Студенческий меридиан. 1974. № 1. С. 54–56.

Жариков Е. Безмолвный собеседник // Студенческий меридиан. 1974. № 3. С. 27–29.

- Лосев А. Борьба со скукой // Студенческий меридиан. 1984. № 9. С. 35–37.
Лосев А. Как же научиться думать // Студенческий меридиан. 1982. № 4. С. 28–43.
Оганов В. Её зовут На-та-ли // Студенческий меридиан. 1976. № 6. С. 41–43.
Письма заинтересованных людей // Студенческий меридиан. 1980. № 4. С. 2–3.
Работа ищет студента // Студенческий меридиан. 1978. № 12. С. 14–15.
Соловейчик С. Простой закон воспитания // Студенческий меридиан. 1975. № 2. С. 38–39.
Студенты 70-х. Штрихи к портрету // Студенческий меридиан. 1978. № 12. С. 4–6.

Библиографический список

- Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с. ISBN: 978-5-7598-1330-9. EDN: VXAOKL.
Добренко Е.А. Формовка советского писателя. СПб.: Академический проект, 1999. 559 с.
Добренко Е.А. Формовка советского читателя. СПб.: Академический проект, 1997. 325 с. ISBN: 5-7331-0083-4. EDN: XMDTDN.
Каспэ И.М. «Мы живем в эпоху осмысления жизни»: конструирование поколения «шестидесятников» в журнале «Юность» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 1(137). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/137_nlo_1_2016/article/11793 (дата обращения: 10.06.2024).
Кофман А.Ф. У истоков российской латиноамериканистики. Л.С. Осповат – к столетию рождения // Литература двух Америк. 2022. № 13. С. 383–399. DOI: 10.22455/2541-7894-2022-13-383-399. EDN: XYMGJD.
Носова Ю.А. Отечественная пресса для студенческой молодежи: историко-типологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 29 с. EDN: ZNNESV.
Орехова О.Е. Печатные СМИ Германии в условиях социально расколотого общества. М.: МГИМО-Университет. 2008. 161 с. ISBN: 978-5-9228-0421-9. EDN: OKHGPК.
Фэрклоу Н. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема // Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2015. Т. 2. С. 507–526.
Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.
Foucault M. The Subject and Power. Chicago: Chicago University Press, 1982.
Huxtable S. In Search of the Soviet Reader: The Kosygin Reforms, Sociology, and Changing Concepts of Soviet Society, 1964–1970 // Cahiers du Monde russe. 2013. Vol. 54, no. 3/4. P. 623–642.
Huxtable S. News from Moscow: Soviet Journalism and the Limits of Postwar Reform. Oxford: Oxford University Press, 2022. 266 p.
Kozlov D. The Readers of Noviy Mir. Coming to Terms with the Stalinist Past. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 452 p.
Tsipursky G. Conformism and Agency: Model Young Communists and the “Komsomol” Press in the Later Khrushchev Years, 1961–1964 // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65, no. 7. P. 1396–1416.
Wolfe T.C. Governing Soviet Journalism. The Press and the Socialist Person after Stalin. Indiana: Indiana University Press, 2005. 274 p. ISBN: 0-253-34589-8. EDN: QWMDNX.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.12.2024

“READERS' WISHES LARGELY COINCIDED WITH THE PLANS OF THE EDITORIAL BOARD”: THE ROLE OF THE STUDENT MERIDIAN MAGAZINE IN THE FORMATION OF SOVIET STUDENT IDENTITY

R. S. Petrov

Moscow Institute of Physics and Technology, Institutskiy lane, 9, Dolgoprudny, 141701, Russia;
National Research University “Higher School of Economics”, Griboyedov Canal Embankment, 119-121,
St. Petersburg, 190068, Russia
rpetrov@hse.ru
SPIN: 7700-7496

The article examines Michel Foucault's concept of pastoral authority and its manifestation in the Soviet student magazine *Student Meridian*. The focus is not on individual techniques of ideological influence, but on the institutional logic of the editorial office, where educational, formative, and ideological objectives were combined with the maintenance of social norms and institutional distance between editors and readers. Formally subordinate to the Central Committee of the Komsomol, the magazine functioned as a tool for shaping a model of student engagement oriented toward self-discipline, self-education, collective responsibility, initiative, critical thinking, personal development, and social adaptation within established societal frameworks, offering readers diverse means to reflect on their own experiences, analyze social phenomena, participate in the construction of social norms, discuss current issues, exchange opinions, and develop new practices. An analysis of reader letters, thematic sections, and the magazine's publication strategy reveals the limits of audience participation while maintaining significant distinctions between journalists and students, demonstrating the complex interaction between "top-down authority" and grassroots student initiative. The magazine emerges as a space where its formative and political functions intersected, shaping students' behavior, habits, values, and identities. These could be simultaneously imposed, discussed, and partially reinterpreted, thus constructing the "ideal student." The article shows how journalistic activity served as a connecting link between the directives of the Komsomol Central Committee and the everyday life of students, revealing broader mechanisms of governance, social norms, and control in the USSR of the 1970s–1980s, and highlighting the magazine's crucial role in the late-Soviet youth press system.

Key words: pastoral authority, journalism of the USSR, students, magazines of the USSR, molding, discourse analysis.

References

- Bikbov, A. T. (2014). *Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotoryye menyayut nashu real'nost* [Grammar of order: A historical sociology of concepts that change our reality]. VShE.
- Dobrenko, E. A. (1997). *Formovka sovetskogo chitatelya* [The shaping of a Soviet reader]. Akademicheskii proekt.
- Dobrenko, E. A. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelya* [The shaping of a Soviet writer]. Akademicheskii proekt.
- Ferklou, N. (2015). Politicheskii diskurs v presse: analiticheskaya skhema [Political discourse in the press: An analytical framework]. In N. B. Vakhtin (Ed.), *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya. T. 2* [Sociolinguistics and sociology of language. Reader. Vol. 2] (pp. 628–648). Izdatel'stvo Evropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
- Foucault, M. (1982). The subject and power. In H. Dreyfus & P. Rabinow (Eds.), *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics* (pp. 208–226). University of Chicago Press.
- Huxtable, S. (2013). In search of the Soviet reader: The Kosygin reforms, sociology, and changing concepts of Soviet society, 1964–1970. *Cahiers du Monde Russe*, 54(3/4), 623–642.
- Huxtable, S. (2022). *News from Moscow: Soviet journalism and the limits of postwar reform*. Oxford University Press.
- Kaspe, I. M. (2016). "We are living in an era that gives meaning to life": The construction of the "sixties" generation in the journal *Yunost'*. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1(137). Retrieved June 10, 2024, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/137_nlo_1_2016/article/11793
- Kofman, A. F. (2022). UAt the origins of Russian Latin American studies. L. S. Ospovat - to the centenary of his birth. *Literatura dvukh Amerik* [The Literature of the Two Americas], 13, 383–399.
- Kozlov, D. (2013). *The readers of Noviy Mir: Coming to terms with the Stalinist past*. Harvard University Press.
- Nosova, Ya. A. (2008). *Otechestvennaya pressa dlya studentcheskoy molodezhi: istoriko-tipologicheskii aspekt* [National press for student youth: A historical and typological aspect] [Abstract of PhD dissertation, St. Petersburg State University]. Rostov-on-Don.
- Orehova, O. E. (2008). *Pechatnye SMI Germanii v usloviyakh sotsial'no raskolotogo obshchestva* [German print media in a socially divided society]. MGIMO-Universitet.
- Shattenberg, S. (2018). *Leonid Brezhnev. Velichiye i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of a man and a country]. ROSSPEN.
- Tsipursky, G. (2013). Conformism and agency: Model young communists and the *Komsomol* press in the later Khrushchev years, 1961–1964. *Europe-Asia Studies*, 65(7), 1396–1416.
- Wolfe, T. C. (2005). *Governing Soviet journalism: The press and the socialist person after Stalin*. Indiana University Press.